

Министерство образования и науки РФ
Алтайская государственная педагогическая академия
Семипалатинский государственный педагогический институт
Семипалатинский государственный университет

Серия основана в 1994 г.

Этнография Алтая и сопредельных территорий

Материалы международной
научной конференции

Выпуск 8

Барнаул
2011

УДК 902 (470)(571.1)
ББК 63.5(253.3)я431+63.5(5Каз)я431
Э 916

Ответственный редактор:

Т. К. Щеглова, доктор исторических наук

Оргкомитет конференции:

Щеглова Татьяна Кирилловна, д-р ист. наук, проф. (председатель),
Садьков Ерлан Батташевич, д-р ист. наук, проф. (сопредседатель),
Ескендиоров Меир Гариполлаевич, д-р ист. наук, проф. (сопредседатель),
Демин Михаил Александрович, д-р ист. наук, проф.,
Атантаева Бакыт Жумагазиевна, д-р ист. наук, проф.,
Каримов Мухтарбек Карпыкович, канд. ист. наук,
Грибанова Наталья Святославна (секретарь)
Гориявчева Татьяна Анатольевна (секретарь)

Этнография Алтая и сопредельных территорий : Материалы междунар. науч. конф. Вып. 8 / Под
Э 916 ред. Т. К. Щегловой. — Барнаул : АлтГПА, 2011. — 354 с. : ил.
ISBN 978-5-88210-590-6

Издание имеет серийный характер. В нем представлены исследования ведущих научных центров РФ и стран СНГ по этнографии населения Алтая и сопредельных территорий. Впервые большой раздел посвящен актуальным для современной России проблемам развития этнических и социальных процессов в порубежной зоне Обь-Иртышского междуречья. Учеными России, Казахстана и Узбекистана анализируются история и культура народов, их этнодемографическое развитие и миграционная активность в прошлом и настоящем. Продолжается публикация материалов по межэтническому взаимодействию и этнокультурным процессам на территории Сибири. Самостоятельный раздел составляют исследования учеными России и Белоруссии славянского мира, подвижность и устойчивость его этнокультурных границ и путей развития.

Сборник имеет теоретико-методологическую и научно-практическую направленность. В самостоятельный раздел выделены проблемы прикладного значения этнологии, новых методов и источников, а также истории этнографических исследований. Интерес представляют публикации полевых этнографических материалов, оригинальных устных и архивных источников. Он может быть полезен специалистам гуманитарных наук, а также широкой аудитории читателей.

Издание материалов конференции демонстрирует вариативность методов, подходов и выводов представителей различных отечественных и зарубежных научных центров и школ. Редакционная коллегия оставляет за авторами право на собственную точку зрения.

УДК 902 (470)(571.1)
ББК 63.5(253.3)я431+63.5(5Каз)я431

Организация конференции и издание сборника поддержаны грантом РГНФ, проект № 11-11-22503г/Т

ISBN 978-5-88210-590-6

© Алтайская государственная педагогическая академия
© Сектор устной истории и этнографии ЛИК АлтГПА

Современное монгольское общество, хаотически вживающееся в рыночные отношения, в котором нивелируются этнические различия, утрачивает традиционные навыки природопользования, заложенные в каждом монголе или казахе с детства [3, с. 113]. Эти знания трансформируются в условиях поступательной глобализации и достаточно высокой степени миграции в города, в первую очередь в Улан-Батор. Профессия скотовода становится непопулярна у монгольской молодежи (соответствующие исследования проводил Д. В. Ушаков [3, с. 115]). К современным тенденциям относится также десакрализация родового пространства в связи с вымыванием из массового этнического сознания сведений о родовой территории и о родовой структуре.

Экстенсификация кочевого хозяйства и в целом проблема номунизма, одним из кризисных последствий чего становится деградация пастбищ и опустынивание территорий, тоже является частью экологической культуры западномонгольского общества.

Итак, вследствие деформации народных знаний коренного населения Западной Монголии, экстенсификации кочевого скотоводства, трансформации мировоззрения происходят изменения в традиционной экологической культуре западномонгольского общества. Остановить эти процессы можно путем перевода скотоводства на интенсивный путь развития и повышения социального статуса рядового скотовода-малчина, а также введения повсеместного экологического воспитания в образовательных учреждениях.

Источники и литература

1. Белокуров А. А. Мировоззрение кочевника Евразии как фактор формирования традиционного культурного ландшафта Евразии // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2008. № 1 (8). С. 32–34.
2. Дробышев Ю. И. Экологические аспекты традиционной культуры монгольских народов // Человек и природа в духовной культуре Востока / ред.-сост. Н. И. Фомина. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. С. 465–497.
3. Ушаков Д. В. Воспитание экологических традиций у народов Северо-Западной Монголии // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саян в области природопользования: материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 11–13 мая 2009 г. / под ред. И. И. Назарова. Барнаул: АРТИКА, 2009. С. 110–116.

Т. К. Щеглова

Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края)

Население полиэтнического степного запада Алтайского края мало подвергалось изучению как отечественными историками, так и отечественными этнологами. Традиционно в истории Алтая внимание уделялось горнозаводскому производству в XVIII – первой половине XIX вв., в этнологии – старожильческому населению, участвовавшему в освоении Верхнего Приобья (казачество, старообрядцы, старожилы-сибиряки, например чалдоны); это центральные и восточные регионы края; а во второй половине XIX и начале XX вв. – аграрно-торговому и промышленному предпринимательству. При этом внимание исследователей с горнозаводского хозяйства и общества XVIII – первой половины XIX вв. переключалось на город, городское предпринимательство и городских предпринимателей второй половины XIX – начала XX вв., а в отношении сельских территорий – на развитие товарного хлебопашества в центральной лесостепной зоне, маслоделия и хлеботорговли (Усть-Пристанский, Усть-Калманский, Петропавловский, Быстроистокский, Шипуновский районы и др.). В этнологии внимание исследователей фокусировалось главным образом на истории, культуре и быте старообрядцев разных согласий и других историко-культурных групп старожилов русского населения. Этнографами особенно хорошо обследованы и введены в научный оборот материалы по Красногорскому, Тогульскому, Кытмановскому, Бийскому, Советскому (Грязнухинскому), Алтайскому, Солонешенскому, Чарышскому,

Третьяковскому, Локтевскому, Залесовскому, Заринскому (Сорокинскому) и другим районам старожильческой культуры.

Что касается западных районов, то исследователи Алтая фактически обошли их стороной, в отличие от ученых сопредельных регионов, среди которых следует назвать известных исследователей истории и культуры сибирских немцев – историка, д-ра ист. наук П. П. Вибе (ОГИКМ, Омск) и этнографов: д-ра ист. наук Т. Б. Смирнову (ОмГУ, Омск), казахов – канд. ист. наук Ш. К. Ахматову (Омский филиал ОИИФФ СО РАН, Омск), проводивших полевые исследования в западных районах Алтайского края. Среди региональных исследователей изучением различных аспектов истории немцев Алтайского края занимались д-р ист. наук Л. В. Малиновский, канд. ист. наук В. Н. Шайдуров, д-р пед. наук В. И. Матис и др., историей казахов – д-р ист. наук В. А. Моисеев, канд. ист. наук И. В. Анисимова, этнографией казахов – канд. ист. наук Е. А. Бельгибаев, канд. ист. наук О. В. Боронин. Славянское население (русские, украинцы и белорусы) фактически остаются вне исследовательского поля, в отличие опять же от сопредельных Алтаю регионов, где успешно реализуются, например, этнографические проекты по белорусам Новосибирской области (д-р ист. наук Е. Ф. Фурсова [1]), украинцам Томской области (д-р ист. наук Э. И. Черняк, д-р ист. наук О. М. Рындина, канд. ист. наук Т. А. Гончарова) и др. [2]. На Алтае пока предпринимались лишь попытки и

историков, и этнографов на уровне первичного прочтения письменных и устных источников.

С 2000 г. проблема изучения переселенцев полиэтничного запада Алтайского края включена в программу «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» сектора этнографии и устной истории ЛИК АлтГПА, которую автор реализует с 1991 г. Кроме того, если в предыдущее десятилетие зонной полевых исследований проводимых автором экспедиций традиционно была зона старожильческой культуры (центральные и восточные районы), то именно с Мамонтовской экспедиции 2000 г. была поставлена задача изучения народов-переселенцев Алтайского края западных районов и разработана программа «Народы Алтая: история и культура». С этого времени началось интенсивное изучение этнических переселенцев тех районов, в которых проходили историко-этнографические экспедиции, в том числе немцев, украинцев, татар, мордвы (с 1996 г.), чувашей и др. Большое внимание уделяется казахам (с 1995 г.). Самостоятельно изучаются постсоветские этнические мигранты. Появились публикации сотрудников, аспирантов, магистрантов, студентов АлтГПА по истории и культуре этих народов на основе обобщения материалов полевых исследований в Мамонтовском (2000 г.), Поспелихинском (2008 г.), Романовском (2009 г.), Волчихинском районах (2010 г.) и стационарных выездов в Кулундинский (2003 г.), Угловский (2007 г.), Панкрушихинский (2009 г.) районы и архивных изысканий. Среди них публикации по украинцам О. С. Соболевской (Деминной) [3], Н. С. Грибановой [4], Н. В. Люля [5]; по немцам – О. В. Ремезовой [6], Д. В. Дьяковой [7], Н. В. Шрейдер [8], по казахам – Т. А. Гориявчевой [9], по татарам – А. В. Юсуповой [10] и др. По мордве на основе материалов экспедиций 1996–2008 гг. защищена диссертация М. А. Овчаровой.

Материалы полевых экспедиционных изысканий показывают, что на западе Алтайского края сформировались самостоятельная историко-этнографическая область и культурный ландшафт с компонентами украинской, немецкой, казахской, русской традиционной культуры, с ее способностью к адаптации, взаимодействию, интеграции, консолидации и консервации или дифференциации тех или иных этнических традиций. В населенных пунктах этой области существуют благоприятные условия для изучения таких вопросов, как условия и факторы сохранения и развития традиционных культур, их трансформаций, трансляции; место и значение традиционной культуры для развития современных этносоциумов.

В данной публикации внимание уделяется в первую очередь вопросам формирования переселенческой историко-этнографической области Алтайского края, динамике развития и размещения этнокультурных групп переселенцев в прошлом и настоящем, особенностям формирования сельского культурного ландшафта, взаимодействию историко-этнографических областей Украины, Поволжья и южных губерний центрально-черноземной Европейской России, Казахстана как основной территории исхода и собственно Алтая в ходе освоения его степного запада.

В историко-этнографическую область степного запада Алтайского края входят районы массовых крестьянских переселений второй половины XIX – первой четверти XX вв., расположенные в Кулундинской и прилегающих к ней степях. Это Славгородский, Табунский, Хабарский, Кулундинский, Ключевский, Родинский, Михайловский, Романовский, Бурлинский, Панкрушихинский, Благовещенский, Угловский, Баевский и другие районы. Состав населения этих районов Алтайского края представлен русскими, составляющими основу всего населения, украинцами, немцами, казахами, а также татарами, расселившимися ареалами. Образно такое расселение можно сравнить с вышитой салфеткой, где тканевая основа представлена русскими, а вышитый орнамент – украинцами, немцами, казахами и другими народами-переселенцами. Территории степной зоны, находясь в период освоения русскими Верхнего Приобья в XVIII – первой половине XIX в. в стороне от центров горнозаводского производства как главного основания их присоединения к России и имея менее благоприятные условия для аграрного хозяйствования, заселялись в более поздний период. Этот период – со второй половины XIX в. – совпал с массовыми, в том числе этническими, крестьянскими переселениями со степных территорий Поволжья (немцы, мордва, чуваш и др.), из центрально-черноземных губерний России: Воронежской, Тамбовской, Курской и др. («хохлы» – самоназвание этнографической группы украинцев и южнороссийских переселенцев) и левобережной Украины (Харьковская, Полтавская, Екатеринославская, Черниговская губернии), меньше – правобережной Украины (Киевская губерния и др.).

В результате переселений второй половины XIX – первой четверти XX в. на степном западе современного Алтайского края сформировались этнические ареалы украинских, немецких, русских поселков с вкраплениями казахских поселений. Формирование переселенческих этнических ареалов на степном западе связано с экономическими стимулами – развитием традиционного крестьянского хозяйства. Поэтому история степного запада – это история аграрных переселений, в том числе и казахов, и немцев. При этом имеется в виду немецкое население, которое участвовало в крестьянских переселениях на Алтай на рубеже XIX–XX вв. с целью аграрного хозяйствования и основало немецкие земледельческие поселения, в том числе на территории современного Немецкого национального и Кулундинского районов, а не депортированные немцы, размещенные по всей территории края в 1940-е гг. Только на территории Немецкого национального районов расположены 12 немецких поселений со столицей Гальбштадт.

Экономические причины лежат и в основе формирования казахского населения степного запада. Казахи, занимающиеся кочевым скотоводством, на протяжении всего XVIII – первой половины XIX вв., несмотря на попытки горного управления ограничить их миграции, в летнее время доходили до Кулунды и занимались выпасом скота. В последующем казахские перекочевки на территорию Колывано-Воскресенского

округа, вызванные необходимостью освоения новых пастбищных территорий, стали постоянными. Было выработано несколько проектов, дающих казахам права свободного переселения в пределы Алтайского горного округа. Основным районом кочевания казахов в пределах округа к началу 1860-х гг. становится Кулундинская степь. Многие из кочующих скотоводов во второй половине XIX в. получили разрешение и осели на территории Алтайского горного округа. Собственно, до 1865 г. Алтайский горный округ в интересах горнозаводского производства ограждали также от переселений и русских, и украинцев, и немцев, независимо от их этнической принадлежности и рода занятий. И лишь падение доходов Кабинета от горнозаводской промышленности и переориентация на доход от организации земельно-арендного хозяйства открыла Алтайский регион для переселений. Организация оброчно-арендного хозяйства на малозаселенном западе стала одним из способов получения Кабинетом доходов от земли. Этот региональный фактор после отмены крепостного права в Европейской России совпал с общероссийской заинтересованностью в переселении освобождавшихся крестьян в условиях малоземелья в хлебопашеских районах центральной России. Таким образом, в целом можно говорить, что и русские, и украинцы, и немцы, и казахи переселились на эти территории с целью их земледельческого (для русских, немцев и украинцев) и скотоводческого (казахи) освоения в условиях недостатка земли на территориях исхода.

В настоящее время украинцы, и немцы, и в меньшей степени казахи (они отсутствуют в северо-восточных и центральных районах) проживают на территории края повсеместно. Но анализ структуры национального состава по районам на протяжении 1960–1980-х гг. показывает, что в западных районах в целом украинцы и немцы составляли более 20% населения, до 10% – в центральных, 1–2% – в восточных и юго-восточных районах. Именно на степном западе существовали и существуют в наши дни моноэтнические украинские, немецкие или казахские села, наряду со смешанными, например русско-украинскими, русско-немецко-украинскими, русско-казахскими, казахско-татарскими селами.

Поддержали процессы этнической идентификации переселенцев такие последующие события XX в., как Первая мировая война с высылкой военнопленных немцев, австрийцев и украинцев с Западной Украины; советская политика раскулачивания, репрессий, предвоенных и послевоенных депортаций. В потоках насильственных переселенцев был высок процент украинцев и немцев. Коллективизация и раскулачивание способствовали пополнению и казахского населения, пытавшегося спастись от голода, наступившего в период коллективизации на территории Казахстана. Например, в 2007 г. в воспоминаниях об образовании в 1930-е гг. поселков Кзыл-Ту и Нацмен (исчез) Панкрушихинского района говорилось: «Как рассказывает родственник моего дедушки, бывший житель Алтая, проживающий сейчас в Павлодаре девятиностовосьмилетний Айдархан Байгаданов, перед

коллективизацией у его семьи было пять коров и семь лошадей, и оставили семье из восьми человек одну корову и одну лошадь, семья осталась нищей и голодной и вынуждена была покинуть Казахстан. Он потом переехал в пос. Кзыл-Ту, где я сейчас живу. Первыми переселенцами были Канаевы, Мурзабаевы, Турibaевы, Сулейменовы и другие. 15 апреля 1936 года в п. Кзыл-Ту проходил сход граждан, представляющий 25 дворов. В этот день и был образован колхоз. В конце 1936 года создается колхоз и в поселке Нацмен. Его председателем стал Мурзабаев С. А., а Исикеев С. И. избирался председателем колхоза п. Кзыл-Ту. Айдархан Байгадинов был одним из инициаторов создания казахского аула на Алтае. Годы коллективизации были страшными годами для казахов» (записала Апсаликова А. Ш., с. Кызыл-Ту, 2009 г.).

Раскулачивание пополняло и другие этнические анклавы. Примером является образование ряда украинских поселков свекловодов (например, пос. Садовый Третьяковского и пос. Восход Зонального районов). Они были основаны в 1935–1937 гг. раскулаченными украинцами, привезенными из других мест ссылки (Красноярский край, Томская область) для внедрения на Алтае выращивания сахарной свеклы и создания сахарных заводов.

Новый приток этнических переселенцев был вызван целинным освоением именно степных районов Алтая в 1950-е гг., в том числе приезд целинников с Украины, немцев из других регионов Сибири благодаря начавшейся после реабилитации 1955 г. внутренней перегруппировки немецкого населения, в том числе на Алтае. Как известно, указ Президиума Верховного Совета СССР 1955 г. снял ограничение со всех немцев, находящихся на спецпоселении. Многие немцы переехали в созданные целинниками поселения. В целинных поселках для их жизни были более благоприятные условия: требовались рабочие руки, предоставлялось жилье; в отличие от колхозов с их натуроплатой и трудоднями, целинные совхозы гарантировали денежную оплату труда. На Алтай, как в один из районов целины, поехали немцы из других районов Сибири. Например, в целинный совхоз Тамбовский Романовского района приехало несколько десятков семей из Красноярского края, Новосибирской и Томской областей и центральных районов Алтайского края. Однако этот фактор, так же как и депортация, вызывал неоднозначные последствия для развития локальных вариантов культур. Особенно это заметно в немецкой среде Алтайского края, которая представлена разными этнографическими группами.

Переселенческая историко-этнографическая область степного запада Алтайского края занимает значительную территорию, на которой неравномерно проходят процессы сохранения и угасания этнической идентичности. Можно выделить районы с бытованием компонентов культуры переселенцев со сформированными внутриэтническими связями, с сохранившимися в той или иной степени историческим сознанием, регионы постепенного угасания этничности и районы забвения и потери этнической идентичности. Ядром этнографической области являются Ми-

Рис. 1. Саманный жилой дом. Село Красноярка, Поспелихинский р-н, 2008 г.

Рис. 2. Саманный дом. Село Николаевка, Поспелихинский р-н, 2008 г.

хайловский, Кулундинский, Славгородский, Родинский, Бурлинский, Табунский, Ключевской и другие районы. Границу ядра составляют районы, протянувшиеся с севера на юг вдоль трассы Барнаул – Павловск – Мамонтово – Романово – Волчиха – Михайловка до Углов. Эти райцентры и сами районы являются периферией полиэтнического степного запада, где сохранились и полиэтнические и моноэтнические села, и память потомков переселенцев о своих корнях. Внутри этого ядра и его пограничья есть ареалы локального расселения украинцев, немцев, казахов, татар и смешанные поселения. Например, немецкие села преобладают на территории Славгородского и Кулундинского районов (совр. Немецкий национальный район) при наличии локального расселения немцев в других районах. Этническим ядром расселения украинцев является Родинский район, а также Романовский; казахов – Михайловский, Бурлинский районы, при наличии казахских поселений в Кулундинском районе (с. Кирей), Панкрушихинском районе (с. Кзыл-Ту); Угловский район (с. Бор-Кособулат, с. Павловка) и др. При этом в районах расселения казахов существуют и татарские (Беленькое Угловского района) и казахско-татарские села (с. Кирей Кулундинского района). Завершают переселенческую историко-этнографическую зону районы, расположенные вдоль Змеиногорского тракта Барнаул – Алейск –

Рис. 3. Смешанный материал с использованием самана, кирпича, досок. Пос. Вавилонский Поспелихинского р-на, 2008 г.

Рис. 4. Теплый хлев с использованием самана под соломенной крышей. Село Красноярка, Поспелихинский р-н, 2008 г.

Рис. 5. Пристроенные саманные сени. Село Красноярка, Поспелихинский р-н, 2008 г.

Поспелиха – Рубцовск (сюда же относятся Новичихинский и Егорьевский районы) с дисперсным украинским, немецким и казахским населением. На их территории более заметна русификация этнических переселенцев (например, оставшаяся в основном в документах «украинистость» ряда русско-украинских сел, среди них Ново-Кормиха Волчихинского района, Николаевка Поспелихинского района и др.), но в информационной среде населенных пунктов со-

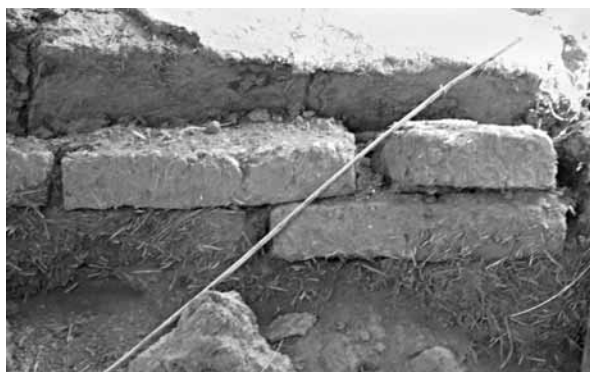

Рис. 6. Саман. Нижние ряды жилого дома. Пос. Вавилонский Поспелихинского р-на, 2008 г.

Рис. 7. Куча самана из разобранного дома. Пос. Николаевка Поспелихинского р-на, 2008 г.

храняются украинские, компоненты этнических культур.

В целом на всей территории степного полиэтнического запада Алтайского края можно выделить зоны компактного расселения этнических переселенцев, реконструировать историю формирования этнокультурных групп, состояние их традиционной культуры в прошлом и в настоящем. Сравнить темпы и формы их развития на территории степной поликультурной зоны и в местах преимущественно старожильческой культуры, механизмы адаптации, модели этнокультурного поведения, развитие базовых элементов культуры и т. п. Примером является существование по крайней мере двух вариантов казахской культуры. Казахам в Алтайском крае в последние десятилетия было около 11 тысяч человек: в Барнауле — около тысячи (1060 в 1979 г. и в 1382–1989 гг.), в Рубцовске — соответственно 249 и 328, в Кулундинском районе — 500, в Благовещенском — около 600, в Михайловском — 1488, в Бурлинском — соответственно 1683 и 1553, в Волчихинском — 244 и 188, в Панкрушихинском — 403 и 298, в Угловском — 719 и 766. По переписи 1989 г. казахи составляли в Бурлинском районе 9,4% от общей численности, в Михайловском — 5,9%, в Угловском — 4,9%, в Кулундинском — 2%. История западных казахов Алтайского края связана с аграрным освоением Кулунды кочевыми скотоводами. На со-

стояние и развитие их культуры большое влияние оказывали такие факторы, как граничность с материчной территорией, семейные, общественные, экономические связи с титульным этносом.

Совсем иные условия для развития традиционной культуры существовали у других этнокультурных групп казахов, локальные поселения которых возникли в XVIII в. вдоль оборонительной казачьей линии (южно-центральная и восточная зона Алтая). В ходе освоения Верхнего Приобья сложился симбиоз казахов как скотоводов и казахов как служилых людей. В фокусе их интересов оказалась коневодство. Одни нуждались в приобретении лошадей, их содержании, обслуживании, другие — в сбыте лошадей и реализации своих традиционных навыков их разведения. Ярким примером являлась история казахского с. Берлек в окрестностях казачьей станицы Слюденка Усть-Калманского района. Такое же органическое сосуществование двух моделей обустройства жизни — полувоенного сословия казахов и скотоводов-казахов — прослеживается вдоль всей Кольвано-Воскресенской оборонительной линии. В ходе полевых исследований было зафиксировано совместное освоение пространства казаками и казахами ст. Антоньевской (Петропавловский район), Маралиха и Маральи Рожки (Чарышский район) и др. Именно поэтому переписи населения до сих пор фиксируют наличие казахского населения в районах, расположенных вдоль казачьей линии, например в том же расположенном в центре Алтайского края Усть-Калманском районе (казачья станица Слюденская, казахское село Берлек и русско-казахское — Осиновка) в 1970 г. было 75, в 1989 г. — 37 казахов. Но условия трансляции традиционной культуры у этих казахов были иными. В отличие от западных казахов, у которых традиционно существовали и на современном этапе окрепли связи с казахстанскими казахами, казахи бывшей оборонительной линии в основном выстраивают внутриэтнические связи.

Так же неоднородно и украинское население Алтая. Есть переселенцы-«хохлы» как самостоятельная культурная группа порубежных губерний левобережной Украины и южных российских губерний. Есть переселенцы-«украинцы» правобережной Украины, особенно западных губерний, входивших некогда в состав Речи Посполитой. И те и другие попадали на Алтай разными путями и по разным причинам, но сильный прирост украинского населения в западных районах Алтая в целом, как и по всей Азиатской России, происходил прежде всего в результате аграрно-крестьянских, в том числе столыпинских, реформ. Об этом говорят данные сравнения двух переписей — 1897 и 1917 гг., составленные известными демографами В. М. Кабузаном и С. И. Бруком. В Сибири процент переселившихся украинцев по отношению к местному населению поднялся с 3,9% до 9,4% [11]. На Украине активно поддерживали тех, кто собрался в Сибирь. Условия переселения и карты сибирской жизни, особенно на Алтае, идеализировались. В работе И. М. Морозова «Алтайский округ в колонизационном отношении» (Полтава, 1908 г.) говорится: «Проезжая несколько поселков — низкие длинные белые

домики из самана, цветники перед ними, усадьбы, огороженные, не скученные... Оказывается, что это хохлы, екатеринославцы и херсонцы, вперемежку с немцами-менонитами тысячами облюбовавшие Кулунду и нашедшие в ней вторую богатую родину» [12].

По данным 1923 г., украинское население составляло вторую группу в Сибири по численности после русских. Всего по Сибири насчитывалось 606 942 человек украинского населения. Наибольшая их часть проживала в Омской губернии (328 171 человек), а на территории Алтайской губернии и Ойротской области – 94 468 человек. Представление о распределении этнических переселенцев по округам и уездам показывают данные переписи 1920 г. (табл. 1). Они же позволяют выявить и зоны этнического расселения.

Таблица 1

Этнографический состав населения Алтайской губернии по переписи 1920 г.

Уезд	Всего переписанных	Русские	Малоросы	Белорусы	Немцы
1. Бийский	83 881	79 623	784	—	7
2. Барнаульский	109 493	103 023	3 156	147	53
3. Змеиногорский	49 463	43 672	3 429	15	695
4. Каменский	63 495	55 166	7 360	33	141
5. Славгородский	64 626	28 539	28 817	673	4 365

Сост. по: Бюллетени Алтайского губернского статистического бюро. 1921. № 5.

Из таблицы видно, что средоточием украинского населения в Алтайской губернии являлся Славгородский уезд, на территории которого и располагались районы, составляющие ядро поликультурной зоны. По предварительным данным переписи 1920 г., в нем проживало 28 817 украинцев, что составляло 45% от всего населения этого уезда. Затем Каменский уезд – 7 360 человек, что составляет 12% от общего числа жителей. В 1939 г. в Алтайском крае уже проживало 150,5 тыс. украинцев (в Омской области – 149,6 тыс.), причем подавляющее большинство – 85–90% – в сельской местности. Украинцы стабильно занимали второе место по численности.

Одной из особенностей этнодемографического развития степного запада Алтайского края являлось «соседское» размещение немцев и украинцев. Но их соотношение менялось. Если в 1930-е г. украинцы занимали второе место, то 1940-е гг. изменили ситуацию. Размещение украинского и немецкого населения на территории Алтая показывают материалы переписи 1970 г. (табл. 2). При общей численности населения Алтайского края в 2 670,3 тыс. человек, наиболее многочисленными были русские – 2 335,5 тыс. человек (87,4%), на второе в результате депортаций и репатриаций вышли немцы – 127,1 тыс. человек (4,8%) и на третье место переместились украинцы – 81,1 тыс. человек (3,03%) [11]. В целом численность украинцев по сравнению с материалами переписи 1959 г. снизилась на 30,2 тыс., немцев на 16,0 тыс.

Таблица 2

Отношение числа немцев и украинцев к общей численности населения в местах их локального расселения по переписи 1970 г.

Украинское население		Немецкое население	
Район	%	Район	%
Родионо	57	Славгород	53
Романово	37	Яровое	48
Бурла	34	Хабары	24
Бурсоль	18	Бурсоль	23
Славгород	18	Кулунда	21
Табуны	18	Тюменцево	13
Яровое	17	Ребриха	13
Кулунда	15	Соколово	8
Рубцовск	3	Завьялово	4
Волчиха	3	Мамонтово	4
Алейск	2	Новичиха	3
Баево	3		

Сост. по: Атлас Алтайского края. Т. II. Главное управление геодезии и картографии. М.; Барнаул, 1980. 253 с.

Таблица подтверждает, что районами наибольшей населенности украинским населением в Алтайском крае оставались Родинский, Романовский, Бурлинский, Славгородский, Кулундинский, в них на украинское население приходится от 15 до 57%. Около 2–3% украинское население составляет в Рубцовском и Волчихинском районах Алтайского края. Районы наибольшей населенности немецкого населения в Алтайском крае – Славгородский, Хабарский, Кулундинский, Тюменцевский, Ребрихинский. В них немецкое население составляет от 8 до 53% населения. Около 3–4% немецкое население составляет в Завьяловском, Мамонтовском, Баевском районах. Таким образом, украинское и немецкое население преимущественно населяло и населяет западную зону Алтайского края.

Перепись 1989 г. подтвердила сложившееся соотношение народов на территории переселенческой историко-этнографической области Алтая. При общей тенденции увеличения численности Алтайского края на 5,1% (на 135,9 тыс. человек) число украинцев увеличилось на 4% (с 73 869 до 76 738 человек), немцев – на 2,35% (с 124 745 до 127 731) [13], хотя ни немцы, ни украинцы не восстановили численность 1970 г. (первых было 81 746, вторых – 127 084), тогда как русские увеличили ее с 2 354 483 в 1970 г. до 2 361 015 в 1979 г. и 2 469 669 в 1989 г. Можно предположить, что эти процессы в определенной степени отражали потерю этнической идентичности, о чем говорят и данные той же переписи 1989 г. по языку. Так, 71,9% украинцев указали, что перешли на русский язык, и только 28% считали родным украинский. Совсем другую картину дал опрос немцев: 51,7% немцев назвали родным языком немецкий и лишь 48,2% – русский.

Тем не менее если во всех районах края основную часть населения по-прежнему составляли русские (их численность увеличилась на 8,2%, с 2 361 015 до 2 469 669), то в ряде районов степного запада они ус-

Рис. 8. Камышитовый дом. Село Мормыши, Романовский р-н, 2010 г.

Рис. 9. Зброшенный камышитовый дом. Село Мормыши, Романовский р-н, 2010 г.

Рис. 10. Фрагмент стены под окнами камышитового дома с отпавшей штукатуркой. Видны щиты из камыша в обшивке. Село Мормыши, Романовский р-н, 2010 г.

тупали место украинцам или немцам или тем и другим вместе взятым. Так, немцы в Славгороде составляли 59,8% от общей численности населения, в Табунском районе — 48,6%, в Хабаровском — 28,4%, в Благовещенском — 17,6%, в Кулундинском — 15,1%, в Бурлинском — 12,7%. Украинцы в Родинском районе составляли 27,6%, в Бурлинском — 23,4%, в Табунском —

Рис. 11. Пучки камыша разобранного скотного помещения. Село Гуселетово, Романовский р-н, 2011 г.

12,2%, в Романовском — 11,3%, в Кулундинском — 11%, в Славгородском — 9,2% [13].

Украинско-немецкое проживание в той или иной степени характерно для всех районов этой поликультурной зоны, как в ее центре, расположенном на северо-западе, так и по границам этнического расселения. При этом и немцы-переселенцы, и украинцы-переселенцы приехали со своей культурой, сформировавшейся в степных условиях. Поэтому их опыт использовался при освоении новых и тоже степных земель, а в культурном ландшафте степного запада Алтайского края прослеживается сходство в материальных традициях обустройства поселений, решении вопросов водоснабжения, использовании строительных материалов и т. д. Работа в селах полиэтничного степного запада позволила анализировать процессы интеграции, консолидации или дифференциации в селах локального и дисперсного проживания, условия, влиявшие на процессы развития традиционной культуры. Особенно эффективно сравнение состояния традиционной культуры в селах, расположенных в центре историко-этнографической зоны степного Алтая, на ее периферии и по границам, с зонами старожильческой культуры, например, в селах Рубцовского района, являющегося своеобразной границей переселенческой историко-этнографической области, в селах Романовского или Родинского района с локализацией украинцев или Славгородского района с преобладанием немецкого населения.

Можно рассмотреть это на примере развития этнических культур в Рубцовском районе. Рубцовский район — самая юго-западная часть Алтайского края, расположенная на Катковской степи. На его территории в ходе переселений образовалось несколько немецких и украинских поселков. В списке переселенческих участков, образованных в 1908 г. Томской переселенческой организацией на землях Алтайского округа и переданных в колонизацию в Змеиногорском уезде, под № 7 назван переселенческий участок Блюменталь. Согласно данным переписи 1917 г., самым первым жителем пос. Блюменталь («блюменталь» в переводе с немецкого — «долина цветов», с 1915 г. поселок стал называться Романовкой в честь династии рус-

Рис. 12. Фрагмент забора из бревен с креплением «в столб». Село Усть-Кормиха, Волчихинский р-н.

Рис. 13. Плетень. Село Усть-Кормиха Волчихинского р-на, 2011 г.

ских царей) был Георгий Георгиевич Миллер. Поселился он в 1903 г. В 1904 г. из Саратовской губернии приехало еще 11 семей: Беккер, Крафт, Маар, Шлетгаур, две семьи Пропп и три семьи Винк. В дальнейшем в новый населенный пункт приезжали немцы преимущественно из Саратовской губернии. Лишь в 1908–1910 гг. прибыло несколько семей из Таврической губернии [15, с. 35]. В записанных Т. В. Мостовой воспоминаниях переселенца с. Романовка Рубцовского района Христиана Ивановича Крюгера (1924 г. р.) много материала, который соотносится и с немецкими, и с украинскими традициями степных культур: «Отец мой рассказывал о том времени, когда приехали они на свободные земли из Поволжья... Дома строили саманные. Вскрывали возле дома почву до глиняного пласта и оттуда брали глину для строительства. Возле каждого дома была огромная яма, позже из этих ям делали погреба для картошки». В селе до современных дней сохранились дома с толстыми саманными стенами. Даже в лучшие времена, когда у романовцев был достаток, они не перестраивали их, а пристраивали несколько комнат, крыли крыши шифером. В некоторых «хатах» сохранились деревянные потолки с большими выступающими балками.

Село Саратовка Рубцовского района тоже было основано немецкими колонистами. Первая запись о нем появилась в 1913 г., под № 1815 записан переселенческий участок Миллеровский, он же поселок Саратовский. Начало заселения участка началось в 1908 г. Сельское общество организовано в 1909 г. Сохранился рассказ одного из переселенцев села Егора Андреевича Труппа (родился в Саратовской губернии): «отец его работал по найму у людей. Батрачество и малоземелье толкнули многих жителей Поволжья пойти на поиски свободных земель, где можно было прокормить себя и семью. Снарядили ходоков в далекие сибирские края. Доверили это дело Миллеру и Нагелю. Прибыли они сюда, осмотрели все подробно и на этом месте, где сейчас раскинулось село, вкопали столбик. Назвали новое поселение Саратовкой, поскольку прибыли из Саратовской губернии. Нашей семье нарезали 12 десятин земли...». В годы войны 1941–1945 гг. в население Саратовки еще пополнилось за счет депортированных из Поволжья немцев.

Следы строительных традиций с использованием

Рис. 14. Фрагмент плетня. Село Усть-Кормиха Волчихинского р-на, 2011 г.

Рис. 15. Фрагмент плетня. Село Усть-Кормиха Волчихинского р-на, 2011 г.

глины, камыша, соломы, но уже украинцев видны в соседних селах Рубцовского района. Только в годы советской власти украинцы Алтая перешли на строительство деревянных домов, строя изначально привычные хаты-мазанки, крытые соломой. В современном Веселоярске встречаются такие мазанки, которые используются в качестве летних кухонь, сараев. Особый украинский колорит придает усадьбам переселенцев плетень. Он до сих пор используется для изгороди в районах традиционного расселения украинцев.

Еще одной особенностью данной историко-этно-

графической зоны является оставшийся в историческом сознании населения «казахский след», когда казахи-скотоводы совершали массовые сезонные выпасы скота в степях Алтайского края. Именно на территории степного запада происходила встреча двух степных культур — земледельцев и скотоводов. В частности, на территории того же Рубцовского района на уровне этнических стереотипов сохранились предания об их кочевьях. Например, село Самарка, как заимка, «было образована на пласте белой глины. На том месте, где стоит эта деревня сейчас, казахи пасли коней. Там стояла землянка казаха Джумаделия Тругулбаева. Место это называлось «Белой Глиной». И поэтому село первоначально носило название Белоглиновка» [14, с. 24].

Формирование населения с. Самарка типично для большинства сел рассматриваемой историко-этнографической области. Первыми жителями были русские. В 1908 г. с Украины в Самарку ходоком прибыл Арсентий Артюх. С ним приехали семьи Петренко, Пода, Гудко и др. Русские переселенцы, как первопоселенцы, не допускали украинцев к селу: «Обоз переселенцев остановился под Половинкинским бугром. Артюх поехал в Змеиногорск, получил от уездного управления разрешение на поселение. Многие русские старожилы не захотели жить с украинцами и уехали из села. Их избушки вместе с землей купили украинцы. Они привезли с собой брички, ходки, плуги, другой инвентарь и стали заниматься хлебопашеством и лепить из белой глины хаты». Закрепил позиции украинцев приезд в 1914 г. из Полтавской губернии еще несколько украинских семей. По переписи 1979 г. на территории Рубцовского района, расположенного по границам полиэтнического степного юго-запада Алтайского края, проживало 22 618 русских, 4238 немцев, 529 украинцев.

Распыленность этнических переселенцев, с одной стороны, и существование локальных поселений, с другой стороны, способствовали усилению и выработке вертикальных и горизонтальных внутриаэтнических связей для сохранения территориальных этнических общностей на уровне моноэтнических поселений или группы сел, связанных семейными, родственными, культурными взаимоотношениями, и виртуальных этнических общностей (например, украинцы Алтайского края, города Барнаула и т. п.). Горизонтальные связи во многом базировались на семейно-брачных отношениях. Примеров тому в полевых материалах много. В частности, по материалам экспедиции этого года в Волчихинский район прослеживается создание семейных пар у немцев из с. Ново-Кормиха с немцами с. Пятков Лог Волчихинского района; у казахов сел Бор-Форпост и Усть-Волчиха Волчихинского района с казахами с. Бор-Кособулат Михайловского района. По материалам экспедиций предыдущих лет прослеживаются также брачные связи казахов оборонительной линии из Маралихи Чарышского района с казахами Антоньевки Петропавловского района. Такой механизм трансляции этнокультурной идентичности существует не только между этническими представителями, но и в самой этнической

общности между этнографическими группами. Ярким примером является семейно-брачный механизм старообрядцев, когда они определяли ареал своего расселения и круг сел по формированию семейных пар. Например, известен треугольник сел по обмену женихами и невестами у старообрядцев: Воробьево Шипуновского района, Красноярка Усть-Пристанского и Усть-Калманка Усть-Калманского района.

Вертикальные связи особенно хорошо прослеживаются при оценке роли того или иного населенного пункта в этническом ареале расселения. Например, для казахов Волчихинского и Угловского районов самое «казахское» село — Бор-Кособулат, а для украинцев — Родино и села Родинского района. В селах соседнего Волчихинского района, расположенного по периметру украинского расселения переселенцев, так и говорят: «Да какие мы хохлы. Хохлы в Родино. Туда вам надо ехать».

Наличие в поселениях степного запада компонентов этнических культур (славянских, тюркских, германских), разных не только по языку, но и по типу хозяйствования (земледельцы и скотоводы), по конфессиональной принадлежности этнических общностей (христиане и мусульмане) привело к такому способу адаптации традиционных культур в условиях полиэтничности, как «компромисс». Компромисс, как правило, является не только механизмом взаимодействия традиций и новаций в рамках одной этнической культуры, но и средством взаимодействия разных культур в условиях совместного проживания. Примером последнего является материал с. Украинки Мамонтовского района. Информационная среда и наследие с. Украинка представляет собой пример интеграции украинской и русской культуры. Под информационной средой населенного пункта мы понимаем устную и вещественную информацию с материальными и духовными следами прошлой жизни и традиционной культуры, с мыслительными конструктами деятельности этносоциальных и этнокультурных групп, т. е. то социокультурное поле, которое маркирует этническую историю и культуру. В информационной среде с. Украинка перемешались русские пельмени и украинские «галушки», сибирские кислые щи и украинские борщи, русский самогон и «стопочка горилки» и т. д.; в материальной культуре — срубные избы и открытые скотные дворы русских старожил с хатами-мазанками и теплыми хлевами переселенцев-украинцев, изгородь и плетень и т. д.

Можно рассмотреть это на примере свадебного обряда с. Украинка. Известно, что свадебный обряд русских и украинцев имеет одинаковую основу формирования, уходящей корнями в культуру восточных славян. Поэтому в свадебном обряде русских и украинских групп обнаруживается много общего, основанного на древних традициях, свойственных свадебным обрядам всех восточных славян, среди них такие этапы свадебных обрядов, как знакомство родственников жениха и невесты, выкуп невесты, «скручивание», сватовство, девичьи посиделки, баня и др. Большую роль сыграли более поздние русско-украинские взаимодействия в период совместного проживания в селе.

Рис. 16. Оштукатуренный дом из камышовых плит. Село Бор-Форпост Волчихинского р-на, 2011 г.

Рис. 17. Строительный щит из камыша. Село Бор-Форпост Волчихинского р-на, 2011 г.

Но остались и этнические традиции – например, «вечерины» в украинской традиции и «девичник» в русской традиции. В русском свадебном ритуале в старожильческих селах «девичник» отличался печальным контекстом: невеста прощалась со своей беззаботной жизнью, со своими родителями и подругами. Пели грустные песни и оплакивали прежнее время, обряд был насыщен причитаниями и плачами невесты. А вот «вечерины» у украинцев в украинских или смешанных русско-украинских селах проходили иначе, с шутками, прибаутками, с веселыми песнями. Невеста надевала лучший наряд, украшала голову венком с разноцветными атласными лентами, приглашала подружек, и они с песнями гуляли по селу.

При этом можно говорить об установке определен-

Рис. 18. Фрагмент пристройки камышитового оштукатуренного дома. Село Бор-Форпост, 2011 г.

ных границ компромисса. На подвижность и гибкость этой границы, как показывают полевые материалы исследования, в полиэтнической западной зоне влияли разные факторы, но наибольшей силой обладала конфессиональность. Например, одной из особенностей рассматриваемой зоны является взаимодействие и компромисс между христианской и мусульманской культурами. Внутри этих этноконфессиональных сообществ компромисс в виде взаимопроникновения в семейно-обрядовую сферу или иную сферу традиционной культуры иноэтнических элементов происходил быстрее. Между этноконфессиональными культурами компромисс не затрагивает внутреннее содержание базовых компонентов культур. Примером является взаимодействие казахов и татар, с одной стороны, и казахов и русских (немцев, украинцев), с другой стороны. Так, в казахско-татарских селах (а такие села существуют только на степном западе Алтайского края, и, как показали полевые изыскания, татары как переселенцы рассматриваемого периода при миграции на Алтай осознанно оседали именно в поселениях казахов или (вблизи) происходил компромисс, при котором элементы культуры того и другого народа взаимопроникали, адаптируясь в материальной сфере и находя

Рис. Казахское кладбище в с. Усть-Волчиха

Рис. Казахское кладбище в с. Бор-Форпост

компромиссы в духовной сфере. В русско-казахских селах с немусульманскими народами граница взаимопроникновения отодвинута и менее проницаема. Проявляется это прежде всего в обрядах жизненного цикла, например в похоронном обряде, и существовании отдельных кладбищ у казахов-мусульман и христианских народов. Так, по материалам Волчихинской экспедиции 2011 г. зафиксированы отдельные кладбища казахов в Усть-Волчихе (проживало менее 10 человек), в с. Бор-Форпост (проживало около 20 человек), хотя численность казахов в этих селах невелика, тогда как у немцев, украинцев и русских этого района существовали совместные погосты. Примером является кладбище исчезнувшего села Осиновки Волчихинского района. Сохранившиеся надмогильные памятники показывают, что русские захоронения с

Рис. Кладбище исчезнувшего села Осиновка (Волчихинский р-н): захоронение русских (на переднем плане) и немцев (на заднем плане). 2011 г.

установкой креста или памятника в ногах усопшего расположены вперемежку с немецкими, которые отличаются не только антропонимами на памятниках, но и установкой памятника в головах.

Таким образом, можно говорить, что на территории Алтайского края сформировалась самостоятельная переселенческая историко-этнографическая область. В ее границах сложилась сеть населенных пунктов с моноэтническими селами или селами со смешанным составом, где до наших дней сохранились русские, украинские, немецкие, казахские, татарские компоненты культуры. Полевые материалы фиксируют довольно высокую степень сохранения исторического сознания населения и этнических стереотипов, бытование элементов культуры. На современном этапе происходит возрождение и усиление внутриаэтнических связей. Но в большей степени оно стимулировано современной национальной политикой российского государства. Так или иначе, дальнейшее порайонное изучение этой историко-этнографической зоны позволит скорректировать представления об историко-культурном наследии сельских поселений Алтая, их культурном ландшафте. В дальнейшем планируется продолжение изысканий с картографированием компонентов материальной и духовной культуры и аналитическое обобщение полевых материалов.

Источники и литература

1. Фурсова Е.Ф. Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX — начала XX в. // Белорусы в Сибири / под ред. В. А. Ламин, Н. С. Сташкевич, Д. Я. Резун и др.; отв. ред. В. А. Ламин, Н. С. Сташкевич. Вып. 1–2, Новосибирск, 2000; она же. Белорусские переселенцы Приобья по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года и похозяйственных книг 1920-х годов // Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития. Омск, 2008 и др.
2. Документ, музейный экспонат, нарратив, письменный источник в культурном трансфере Сибирь — Украина: материалы. всерос. науч. конф. с междунар. участием, 21–24 нояб. 2010 г., Томск / под ред. Э. И. Черняка. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2011. 43 с. и др.
3. Соболевская (Демина) О. С. Этническое самосознание украинского населения Кулундинского района: современное состояние. Кулундинский район: страницы истории и современность. Т. 1. Барнаул, 2007. С. 55–60; она же. Свадебная обрядность украинцев Алтайского края: традиции и новации: материалы XLII Междунар. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. Новосибирск, 2004. С. 141–143 и др.
4. Грибанова Н. С. Украинские переселенцы Поспелихинско-

- го района: особенности самосознания, материальной и духовной культуры // Краеведческие записки: Вып. 8 / Управление Алтайского края по культуре, Алт. гос. краевед. музей. Барнаул: ОАО «ИПП «Алтай», 2009. 242 с. С. 71–78.
5. Люля Н. В. Свадебная обрядность украинцев Романовского р-на в третьей четверти XX в. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010. г.: Археология, этнография, устная история: материалы VII междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаборатории исторического краеведения 25–26 нояб. 2010 г. Вып. 7. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 234–240.
 6. Ремезова О. В. Межэтнические отношения в период депортации народов на Алтай: материалы XLII Междунар. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. Новосибирск, 2004. С. 125–127; она же. Межэтнические отношения в Тогульском районе Алтайского края (по материалам ИЭЭ 2006 г.) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006. г.: Археология, этнография, устная история: материалы III регион. науч.-практ. конф. 6–8 дек. 2006 г. Вып. 3. Барнаул: БГПУ, 2007. С. 140–143 и др.
 7. Дьякова Д. В. Этно-кофессиональный состав населения Немецкого национального района на территории Алтайской губернии в 1920–1930-хх годах // Материалы XLIX МНСК «Студент и научно-технический прогресс»: этнография. Новосибирск, 2010. С. 4–6.
 8. Шрейдер Н. В. Традиционная культура депортированных немцев Поволжья: степень сохранности в иноэтническом окружении (на основании полевых материалов собранных в Поспелихинском, Павловском и Косихинском районах Алтайского края в 2008–2009 годах) // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: материалы LI РАЭСК (7 Всерос. археол.-этногр. конф.). Красноярск 22–25 марта 2011 г. С. 321–323; она же. Миграция немецкого населения после реабилитации (указа 1955 г.) на примере целинного поселка Тамбовский Романовского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 7: материалы VII регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаб. ист. краеведения. 25–26 нояб. 2010 г. / под. ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой, А. Н. Телегина, Н. С. Грибановой. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 314–318.
 9. Горьявцева Т. А. Итоги историко-этнографического исследования в селе Керей Кулундинского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2005 г.: материалы 2-й регион. науч.-практ. конф. 1–2 декабря 2005 г. Барнаул, 2006. С. 130–133; она же. Этническое самосознание казахов: (по материалам исследования моноэтнического села Бор-Кособулат в Угловском районе Алтайского края) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2007 г.: археология, этнография, устная история: [материалы 4-й региональной науч.-практ. конф. 6–8 декабря 2007 г.]. Барнаул, 2009. С. 84–87; она же. Хозяйственная деятельность казахов с. Керей Кулундинского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2008 г.: археология, этнография, устная история: материалы 5-й региональной научно-практической конференции памяти профессора А. П. Уманского, 4–6 декабря 2008 г. Барнаул, 2009. С. 84–88; она же. Элементы системы жизнеобеспечения казахского сельского населения Алтайского края: (на примере моноэтнических сел Кулундинского и Угловского районов) // Краеведческие записки. Барнаул, 2009. Вып. 8. С. 61–70; она же. Семейно-обрядовая культура жизненного цикла казахов Алтайского края (на примере моноэтнических сел Кулундинского, Угловского районов) // Вторые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: материалы межрегион. науч. конф. (20–21 нояб. 2009 г., Новосибирск). Новосибирск, 2010. С. 269–273; она же. Хозяйственная деятельность казахов села Керей Кулундинского района Алтайского края // Казахи России: история и современность. Материалы междунар. науч.-практ. конф. (20–22 мая 2009 г., Омск): в 2 т. Т. 2. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та. С. 67–70.
 10. Юсупова А. В. Татары Алтайского края в прошлом и настоящем: по материалам устноисторических исследований в г. Барнауле // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история), 2005 г.: материалы 2-й регион. науч.-практ. конф., 1–2 дек. 2005 г. Вып. 2. Барнаул, 2006. С. 205–208; она же. Предварительные результаты этнографических исследований в моноэтническом татарском селе Беленькое Угловского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007 г.: археология, этнография, устная история: [материалы 4-й регион. науч.-практ. конф. 6–8 дек. 2007 г.]. Барнаул, 2009. С. 186–188; Она же. Татары Алтайского края в XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы международной научной конференции. Вып. 7. Барнаул, 2008. С. 124–127; Горьявцева Т. А., Юсупова А. В. Итоги историко-этнографических исследований в с. Керей Кулундинского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2008 г.: археология, этнография, устная история: материалы 5-й регион. науч.-практ. конф. памяти проф. А. П. Уманского, 4–6 дек. 2008 г. Барнаул, 2009. С. 88–92; она же. Татары Алтайского края в XX – начале XXI в. // Краеведческие записки. Барнаул, 2009. Вып. 8. С. 135–146; она же. Особенности религиозной жизни татар Алтайского края // Вторые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра» материалы науч. конф., 20–21 нояб. 2009 г. С. 357–360.
 11. Атлас Алтайского края. Т. II. Главное управление геодезии и картографии. М; Барнаул, 1980. 253 с
 12. Цит. по: Омелянчук Б. Н. Рубцовский район. Страницы истории. Рубцовск, 2006, С. 25.
 13. Национальный состав населения Алтайского края. (По данным переписи населения 1989 г.). Барнаул, 1991. 145 с.
 14. Печерин И. Д. Наш путь. (Очерки и заметки по истории Рубцовского района). Рубцовск, 2004. С. 24.
 15. Омелянчук Б. Н. Рубцовский район. Страницы истории. Рубцовск, 2006

Т. С. Ябыштаев

Общественная организация Курултай алтайского народа как объект политической борьбы

В первой половине 2011 г. один за другим созывались съезды общественной организации алтайцев «Курултай алтайского народа» с целью переизбрания на должность Эл Башчы («Главы народа»). Ситуация остается нерешенной, и поэтому очередной Курултай планируется на сентябрь–октябрь 2011 г.

В настоящей статье освещаются причины возникновения кризиса общественного движения «Курултай алтайского народа». В качестве основных источников использованы статьи региональных газет «Листок», «Алтайдын чолмоны» и сайтов Интернета. Кроме того, привлечены собственные сведения, по-